

ЛЮДМИЛА МИХЕЙКИНА

РЕАНИМАЦИЯ

РАССКАЗ

— Эта история невыдуманная, — говорила Наташа подруге, сидя на скамейке в парке. — Случайна ли? Не знаю, но, может, лучше этого и не знать.

В тот вечер Наташа, как обычно, набрала номер телефона матери. Не дождавшись ответа, она подумала: “Наверное, вышла на улицу”. Погода за окном была чудесная, над оранжево-жёлтой листвой разливался мягкий солнечный свет. Она знала, что мама любит прогуливаться неподалёку от своего дома у берега реки: её больше привлекали места, оживлённые природой, чем шумные городские улицы.

В свои 79 лет Татьяна Павловна была достаточно энергичной женщиной, чтобы позаботиться о себе, но с тех пор, как умер её муж, отец Наташи, жила одна, и дочь каждый день звонила ей по телефону. Ей, конечно, хотелось бы, чтобы Наташа чаще приезжала, но повседневная суета оставляет мало времени для встреч.

В начале сентября они вместе съездили в парк Победы. Поездка была своеобразной экскурсией, организованной Наташей.

Татьяна Павловна удивлённо рассматривала аккуратную, выложенную широкими плитами набережную, и вспоминала, как это место выглядело в её молодые годы. Её восторженный взгляд схватывал картины ярких осенних цветов на широких клумбах, нежные оттенки голубых елей и серебристые, взмывающие многоярусными струями фонтаны воды, искрящейся в последних лучах сентябрьского солнца.

МИХЕЙКИНА Людмила Сергеевна родилась в 1955 г. в Минске. Окончила Белорусский государственный институт народного хозяйства им. В. В. Куйбышева. Автор книги повестей и рассказов “Дорогами любви”, романа “Неизведанное тепло” и поэтического сборника “Такая большая короткая жизнь”. Живет в Минске.

Она шла и радовалась не меньше, чем пробегающие мимо дети, с гордостью повторяя:

— Какая красота! Всё сделано для людей! Как же здесь хорошо!

Старые люди умеют быть благодарными за заботу, которая касается не только их лично.

Не дозвонившись до мамы днём, вечером Наташа снова набрала номер её телефона и долго держала трубку. Может быть, Татьяна Павловна на кухне, услышит звонок и, наконец, подойдёт. Через несколько минут в телефонной трубке раздался щелчок, её как будто сняли, послышался лёгкий шорох, невнятный звук, похожий на шёпот, после чего шумы прекратились. Наташа обеспокоенно спросила:

— Мама, ты меня слышишь? Что с тобой? — не дождавшись ответа, повторила она. — Я сейчас приеду.

Быстро положив трубку, Наташа снова сняла её, набрала тот же номер, но в ответ раздалась лишь короткие гудки.

— Что-то случилось, надо срочно ехать, — взволнованно сказала она мужу, взяв ключи от маминой квартиры. Стоянка такси была напротив их дома, и через пятнадцать минут они были уже на месте.

Татьяна Павловна лежала на полу в старенькой застиранной сорочке у расстеленной кровати. Наклонившись, Наташа осторожно тронула её за плечо.

— Мамочка, что с тобой? — испуганно спросила она.

В ответ раздался отрывистый стон. Наташа подняла с ковра упавшую с аппарата трубку и дрожащими пальцами набрала номер телефона “скорой помощи”. Пока она отвечала на бесчисленные вопросы врача, ей казалось, что они теряют слишком много времени.

— Чтобы понять, какую бригаду направить, нужна самая полная информация, — пояснили ей на другом конце провода.

“Скорая помощь” прибыла быстро, но десять минут ожидания Наташе казались вечностью. Положив трубку на рычаги, она снова сняла её, набрала “103” и спросила, можно ли поднять женщину с пола и что можно сделать до приезда врачей. Получив рекомендации, они с мужем положили Татьяну Павловну в постель, что оказалось совсем непросто. Женщина невысокого роста и среднего телосложения в бессознательном состоянии была неестественно тяжёлой. Наташа слегка увлажнила ей лицо водой.

Раздался звонок, и в комнату вошли три молодых врача в бордовых халатах: две женщины и мужчина. Наташа торопливо рассказала им, что произошло за последние минуты. Обратившись к неподвижно лежавшей женщине с вопросом и не получив ответа, врачи, коротко переговариваясь, засуетились возле неё, доставая из саквояжа иглы и приборы.

В этой так хорошо знакомой комнате Наташа чувствовала себя бесполезной. Родной человек, который ещё вчера ходил и говорил, сегодня лежал неподвижно, и она ничем не могла помочь. Только быстрые движения врачей говорили о том, что мать жива и продолжается схватка жизни со смертью.

— Она в коме, нужно везти в реанимацию, — коротко сказала женщина-врач, записав паспортные данные больной. — Найдите мужчин, чтобы снести её на носилках вниз.

Наташа вышла в общий коридор. На её просьбу сразу откликнулись соседи.

В чистой, но старенькой сорочке, хранившей привычную мягкость и тепло, с которой Татьяна Павловна ещё не готова была расстаться, хотя в шкафу лежали другие, новые, её завернули в шерстяное одеяло без пододеяльника, которое Наташа вытащила из шкафа. Она взяла на полке одну из аккуратно сложенных стопкой рубашек и хотела переодеть мать, но врач сказала:

— Не надо, в реанимации всё равно снимут.

— Сорочка, которая на ней, совсем ветхая, — смутилась Наташа.

— Это неважно. Видно же, что женщина чистая, никаких запахов нет, не будем задерживаться, — поторопила врач.

Наташа с мужем сидели в машине рядом с носилками, и она поддерживала беспомощно свисавшую мамину руку с зафиксированной в вене иглой.

— Надо же, видят, что едем с мигалкой, и никто не уступает дорогу, — возмущалась врач “скорой помощи”. — Вот, наконец-то пропустили, но это, оказывается, тоже свои.

Машина подъехала к приёмному отделению больницы вплотную, носилки быстро переместили на каталку и завезли в помещение. Женщина в белом халате настоятельно говорила неподвижной Татьяне Павловне, чтобы она сжала пальцы рук и пошевелила ногами. Наташа напряженно смотрела, как её мама слабо шевельнула ногой и медленно, не открывая глаз, слегка свела пальцы одной руки.

Между прибывшими и принявшими больную врачами состоялся непродолжительный разговор, из которого до Наташи донеслись слова:

— Она не разговаривала, спросите у родственников.

— Да, она не разговаривала, — подтвердила Наташа.

— Если ещё кого-нибудь привезёте, — услышала она, — класть будет некуда.

Красивая девушка в белоснежном халате, сидевшая за компьютером, спросила у Наташи номер её телефона. Наташа быстро назвала домашний, но засомневалась в точности цифр сотового. Когда она посмотрела на маленький светящийся экран, чтобы уточнить его, девушка, недовольно повысив тон, задавала ей уже следующий вопрос. Наташа была намного старше её, но возраст, как она заметила, всё чаще переставал быть показателем в отношениях поколений. Одни не хотели стареть, а другие охотно соглашались с иллюзией их молодости. Она понимала, что в своей растерянности выглядит глупо, ощущая на себе пренебрежительный и уверенный молодой взгляд, но происходящее вокруг казалось мелким и незначительным по сравнению с переполнявшей её тревогой. Для девушки в белоснежном халате это была обычная рутинная работа. Возможно, она привыкла к чужому горю или по своей душевной организации не способна понять состояние человека, столкнувшегося с ним, которому в этот момент тоже требуется поддержка, любая, пусть даже самая слабая. Когда-то таких девушек называли сестрами милосердия, но второе слово, по-видимому, не зря отбросили или просто забыли: “сестра” осталась, а милосердия нет.

В кабинете, расположенном рядом, за стеной приёмного отделения, Татьяна Павловне сделали рентгеновские снимки. Для этого потребовалось снять сорочку. Наташа помогла врачу разорвать её тонкую и слабую ткань. Так было легче. Каталка была узкой. Татьяна Павловна зашевелилась, и женщина в белом халате стала придерживать её, чтобы не упала. Не приходя в сознание, Татьяна Павловна застонала и заметалась. Наташа погладила её по обнажённому плечу и взяла за руку:

— Мамочка, потерпи, не двигайся, прошу тебя, — и мать неожиданно успокоилась. Затем её завернули в одеяло, в котором привезли, и подняли на лифте в реанимацию.

— Заходить в реанимацию нельзя, — сказали Наташе, и они с мужем остались на первом этаже. Через несколько минут им вернули одеяло и мягкий тряпичный комок, который недавно был сорочкой.

— Распишитесь, что ценных вещей при ней не было, и можете идти, — услышала она, отправляясь вслед за женщиной в белом халате.

— А у кого и когда можно узнать о её состоянии?

— У лечащего врача с восьми до половины девятого или после двенадцати, — ответила женщина, усаживаясь за стол.

Записав информацию и расписавшись в журнале, Наташа с мужем вышли на улицу. По пути к дому она позвонила по сотовому телефону младшей сестре и сыну и в смягчённых тонах, чтобы не напугать их, сообщила о случившемся.

Ночью Наташа уснуть не смогла. В восемь часов утра, отсчитывая минуты до этой ровной цифры, она набрала записанный на клочке бумаги номер телефона реанимации. Женский голос в трубке ответил, что её мама пришла в сознание, начала двигаться и говорить, и проходит дальнейшее обследование. Причина произошедшего не выяснена. Последовавший за этим вопрос показался Наташе странным.

— Скажите, что она за человек?

После непродолжительной паузы Наташа ответила:

— Прожила нелёгкую жизнь, много работала, без вредных привычек, строгая, волевая, с сильным характером, но отзывчивая и всегда готова прийти на помощь.

Наташа пыталась дать максимально объективную характеристику и одновременно понять суть вопроса. Может быть, мама категорически отказалась принимать какие-то лекарства? Она ими почти не пользовалась в повседневной жизни, не любила ходить в поликлиники и выстаивать в их многочисленных очередях. В молодые годы времени на себя не хватало, а теперь его было достаточно, но старые привычки сохранились. Если что-то болело, она ждала, пока пройдёт, простуду лечила своими испытанными средствами: малиновым вареньем, молоком с мёдом, горчичниками и травами, которыми когда-то лечила своих детей её мать. К счастью, болезни беспокоили её не слишком часто, словно чувствуя пренебрежительное отношение. А может быть, свежий воздух деревни, где прошло её детство, и физический труд на земле создали свой естественный запас прочности. Правда, в детстве в бедной многодетной семье она недоедала, но голоданием теперь даже лечатся современные люди, которые не знают, что такое настоящий голод.

После двенадцати часов можно было встретиться с лечащим врачом, и Наташа поехала в больницу.

— Попасть сразу в реанимацию — удел людей, которые не следят за своим здоровьем, — сказала ей молодая женщина в белом халате. — Ночью ваша мама вела себя неадекватно. Чтобы она не навредила себе, мы вынуждены были зафиксировать ее на кровати и сделать успокоительный укол.

Наташа взволновалась:

— Может быть, она испугалась, очнувшись ночью в незнакомом месте?

— Может быть. Медсестра сказала, что она обругала её матом.

Увидев на Наташином лице изумление, она добавила:

— Верить или нет, это ваше дело.

Наташа не знала, как выходят люди из комы, но хорошо знала нетерпимое отношение Татьяны Павловны к нецензурным словам. Ей показалось, что врач что-то путает и речь идёт о ком-то другом.

— Я хочу, чтобы вы поговорили с ней, — продолжила молодая женщина. — Вы лучше можете понять, не произошло ли с ней каких-либо психических отклонений. Мы недавно сделали ей УЗИ, до этого нельзя было есть, а она постоянно требовала, чтобы её покормили, и удивлялась, почему в больнице не кормят.

Наташа подумала, что УЗИ можно было сделать и пораньше, проснувшийся к жизни организм диктует свои естественные права, и в этом нет ничего необычного. Она вспомнила, мама однажды рассказывала ей, как в детстве после уроков шла в поле, чтобы отыскать остатки гнилой картошки и испечь из них блин, это было сразу после войны. Тогда она могла переносить голод, а сейчас, когда продуктов стало много, её натерпевшийся организм отказывался с ним мириться. Ещё одно воспоминание из рассказанного всплыло в памяти. Когда выходила из бессознательного состояния мамина свояченица, первое, что она попросила, — поесть. В сельской больнице на столе рядом с нею сразу же появились продукты, которые собрали сельчане. По совету местного врача ей дали выбрать то, что потребовал организм в тот момент. Это было одной из составляющих её излечения.

Молча набросив на плечи голубой синтетический халат, который ей дала врач, Наташа прошла в палату.

Мама лежала под простыней, у неё были скомканные волосы и отёкшее лицо. Татьяна Павловна смотрела на дочь открытыми живыми глазами, но выглядела такой жалкой, что у Наташи сжалось сердце. Наклонившись, она поцеловала её в щеку, а женщина заплакала в ответ. Наташа испугалась: она не помнила, чтобы видела её когда-нибудь плачущей. Наверное, это было давно, когда кто-то умер. Собственные проблемы мама никогда не оплакивала, а всегда искала и находила способ, как их решить.

На тумбочке стояли две тарелки: одна — с супом, другая — с остывшей кашей и котлетой. Девушка-медсестра при помощи специального механизма приподняла спинку кровати, и первое, чего Наташе захотелось, — накормить мать. Если она просила есть, значит, её мучило чувство голода, кроме всего прочего, что может мучить человека, очнувшегося ночью голым и связанным под одной простыней в незнакомом месте? Чуть поодаль стояла кровать, на которой с закрытыми глазами и массой присоединённых к нему проводов стонал старик. За тонкой перегородкой, доходившей до середины палаты, стояли ещё две такие же кровати, на которых, не подавая признаков жизни, неподвижно лежали другие люди. Напротив перегородки был стол медсестры.

Наташа кормила маму супом, как изголодавшегося ребёнка, и рассказывала, как она попала сюда. Татьяна Павловна остановила её:

— Посмотри, нет ли у меня пятен на щеках.

— Нет, — удивилась Наташа, — а почему ты это спрашиваешь?

— Ночью, когда я проснулась, — сказала Татьяна Павловна, — за столом никого не было. Ремни, которыми я была связана, давили, мне было трудно дышать. Я хотела позвать кого-нибудь на помощь, но могла только стонать и испугалась, что у меня отнялась речь. Потом в палату вошла молодая девушка-медсестра. Она приблизилась ко мне и сказала: “Чего ты орёшь, старая падла? Может, стакан водки выпила?” Я застонала сильнее. Выругавшись матом, она ударила меня ладонью по лицу. У меня разболелась голова, и “загорелись” щеки. Я промучилась до утра, пока не закончилось её дежурство.

В палату заглянула врач и, прервав Татьяну Павловну, позвала Наташу к выходу. Сменная девушка-медсестра подошла к её кровати.

— Я помогу вашей маме доест. Не волнуйтесь, эту медсестру накажут, — сказала она Татьяне Павловне.

Наташа ещё не успела осознать информацию, кажущуюся ей невероятной. В этот момент главным для неё было то, что её мама вернулась к жизни и возвращалась в состояние нормально говорящего и двигающегося человека, и это вызывало в ней доверие к молодой женщине-врачу, которая к тому же позволила ей войти и поговорить с ней. У входа в реанимацию висело объявление “сотовые телефоны не приносить”, с больными не было никакой связи, кроме как через лечащего врача. Уходя, Наташа сказала:

— Извините, если она вас чем-то обидела, но она в адекватном состоянии, и никаких психических отклонений у неё нет. Мы с сестрой никогда не слышали от неё ни одного нецензурного слова.

По пути домой Наташа приводила в порядок свои мысли. Она уже не сомневалась, что даже в бессознательном состоянии Татьяна Павловна не могла произнести чуждые ей слова. Кто-то и для чего-то пытался перенести их на неё. Она вспомнила, как недавно они ехали вместе в троллейбусе. В заднюю дверь вошла группа молодых парней и девушек, шумно расположившихся в конце салона. До Наташи доносились обрывки грязных фраз, сопровождавшихся громким смехом. Обернувшись, Наташа выразительно посмотрела в их сторону, но увидев бессмысленные раскрасневшиеся лица, сделать замечание не решилась и продолжала терпеливо молчать так же, как и все другие пассажиры троллейбуса. Вдруг Татьяна Павловна повернулась к бושующей толпе и возмущённо сказала:

— Что же вы свою красоту и молодость так уродуете? Перестаньте выражаться или выйдите из троллейбуса.

— Имеем право, мы талоны пробили, — ответил кто-то из продолжавшей веселиться компании, но голоса стали тише.

— Зачем ты так рискуешь? — взволнованно сказала Наташа, когда они доехали до своей остановки и вышли. — Неизвестно, чего можно ожидать от них.

— Они нормальные, просто разболтанные, поняли, что все боятся, и это их ещё больше раззадоривает. Возмутительно, что и девушки среди них есть.

Наташа, едва не потеряв мать, сейчас особенно остро поняла, как она ей нужна. Нет человека, к которому так тянулась бы душа, и нет человека,

который легко простил бы ей любое необдуманное слово. Нет любви бескорыстней, чем любовь матери, и нет ничего глупее обиды на свою мать.

На следующее утро Наташе позвонила молодая женщина, врач реанимации.

— Ваша мама прошла полное обследование, ей было предложено продолжить лечение в кардиологии, но она отказалась.

— Я приеду и заберу её. Если её жизни ничто не угрожает, она может продолжить лечение и в домашней обстановке, там ей будет лучше, — не задумываясь, ответила Наташа.

— Я не могу простить её, — сказала дома Татьяна Павловна. — Она же будет издеваться над беспомощными людьми дальше. Нужно куда-то написать об этом. Я сейчас поняла, почему она так со мной поступила. Она должна была всю ночь сидеть на посту, а когда привязала меня, то смогла уйти. Может быть, ей поспать хотелось или поговорить с кем-то. Она, наверное, не думала, что я заговорю. Когда утром она снова зашла в палату, и я сказала ей: “Я узнала вас. Это вы издевались надо мной ночью”, — она ответила: “Не докажешь, я тебя вижу в первый раз”. Она говорила мне “ты”. Это их сейчас так учат?

Наташа разделяла возмущение Татьяны Павловны, и ей точно так же хотелось предать огласке случай, который не выходил у неё из головы, но она сдержала свой порыв. А что, если мама опять попадёт в реанимацию в эти же руки? Заговорит ли она потом, выйдя из стен, скрытых от постороннего взгляда? Она решила, что разумнее будет промолчать, и попыталась убедить в этом Татьяну Павловну.

На следующий день она поехала в больницу, чтобы забрать эпикриз. Чем ближе Наташа подъезжала к медицинскому учреждению, тем сильнее у неё портилось настроение. Она вспоминала наполненные болью глаза своей матери, и это была не физическая боль. Она всё сильнее ощущала себя предателем, и не только по отношению к ней.

Забрав документы в кардиологии, Наташа направилась к выходу, но, не доходя до двери, свернула в сторону с табличкой “администрация”. Время совпадало с приёмом главврача по личным вопросам, однако секретарь направила её к заместителю. У кабинета никого не было. Наташа вошла, поздоровалась. Из-за стола на неё внимательно смотрела женщина средних лет. С первых слов Наташа ощутила холодную напряжённость её взгляда. Между ними как будто возникла невидимая стена, с одной стороны которой сидел готовый к защите своего учреждения руководитель, с другой — обыкновенная жалобщица, то есть человек со скверным характером.

Наташа начала говорить, но сидевшая напротив женщина остановила её:

— Так. И что вы хотите?

— Чтобы вы меня поняли. Но я рассказываю, наверное, слишком подробно.

— Я знаю об этом, слышала. Во время обхода мне говорила то же самое ваша мама. Я предлагала ей продолжить лечение в кардиологии, но она отказалась, сказала, что чувствует себя хорошо и здорова.

Женщина явно не была настроена признать факт, который пыталась донести до неё посетительница. Частично эту информацию она уже получила от своих работников, которым принято больше доверять, чем другим, случайным, людям. К тому же, признать подобное не позволяла “честь мундира” и беспокойство за статус руководителя, который несёт ответственность не только за собственные действия, и Наташа могла это понять.

Женщина-руководитель долго и вежливо объясняла ей, какие галлюцинации бывают у больных, выходящих из комы, и как трудно доказать, что человека ударили, если нет видимых следов.

— Один старик, когда очнулся, даже сказал, что его здесь пытали, как в гестапо, маску на лицо надевали...

Она говорила осторожно, в общих чертах, словно речь шла об абстрактных ситуациях, а не о конкретных людях.

— Но в коме моя мама была совсем недолго, — прервала её Наташа. — Мы приехали к ней на такси сразу же, как только она смогла снять трубку, и “скорая помощь” быстро доставила её в больницу.

— А у вас были ключи от её квартиры?

— Да, у меня есть ключи. А следы от пощечин могут и не остаться, это же зависит от силы удара и физических особенностей.

Наташа понимала, что происходит естественная реакция самозащиты, и суть сказанного ею не доходит до сознания этой женщины, изначально настроенной все опровергнуть.

— У вас родители есть? — спросила Наташа после непродолжительной паузы.

— Нет, к сожалению. Мои родители умерли.

— Извините, — произнесла она. — Но у других они есть. Прошу понять, для чего я к вам пришла. Не для того, чтобы кому-то отомстить. Мне проще было бы направить письменную жалобу и дожидаться официального ответа. Но я не хочу, чтобы кто-то ещё оказался на месте моей мамы. На это место можем попасть и мы с вами, любой из нас.

Женщина задумалась, и Наташе показалось, что в её глазах промелькнуло что-то похожее на понимание, а жёсткая стена отчуждённости стала отодвигаться в сторону.

— Беда в том, — вздохнула она, — что выбирать не приходится. Очереди из медсестер к нам не стоят, и конкурса нет. Сегодня я её уволю, а завтра в другую больницу примут. Специалистов не хватает. Работа не из приятных, но, конечно же, раз уж она пришла сюда, это не даёт ей права бить людей. Это тоже, если бы она в ЖЭС пришла, а её там — по лицу. Я, конечно, разберусь, и мы накажем её и врача.

— А врача зачем? Наоборот, я должна быть благодарна ей за то, что в короткое время поставили мою маму на ноги.

— Она дежурила в ту смену.

— И из этого следует, чтобы не пострадал невиновный, я должна простить виновного?

— Знаете, молодых нужно учить. Из них со временем получаются неплохие специалисты. Тем более, где взять других? Я вам обещаю, что этот случай не останется без внимания. С врачом я поговорю, а медсестра будет наказана, и в дальнейшем мы за ней понаблюдаем.

— Спасибо, что вы меня правильно поняли, — ответила Наташа, направляясь к выходу.

— Спасибо, что зашли.

Как только Наташа закрыла за собой дверь, в кабинете раздался телефонный звонок, голос зам. главврача заставил её остановиться.

— Больные поступали?

— Двое тяжёлых. Заступила другая смена. Нам передали, что вы вызывали нас. Можно зайти?

— Нет. Уже не нужно. Вопрос закрыт.

Сомнение холодной змейкой вползло в душу. Это был возможный финал их разговора, о котором Наташа уже никогда не узнает. Её визит оказался бессмысленным, она никого не защитила. “Люди больше нуждаются в реанимации душевных недугов, чем физических, — подумала она, отходя от кабинета, — и ещё неизвестно, какой из них страшнее”.

— Галина Сергеевна, вызывали?

— Заходите.

Дежурный врач и четыре медсестры вошли в кабинет заместителя главврача. Окинув их строгим взглядом, женщина сказала:

— У вас родители, бабушки, дедушки есть?..

Это был второй возможный финал их разговора, о котором Наташа тоже никогда не узнает, но в который хотелось верить, как в то, что важнейшие проблемы решает не столько жёсткость законов, сколько понимание, — человеческое.